

Научная жизнь, обзоры, рецензии

УДК 14

DOI:

10.15372/PS202001010

О.И. Целищева

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ВИТГЕНШТЕЙНОВСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ ТОМАСА КУНА

Статья посвящена влиянию философии позднего Витгенштейна на концепцию структуры научных революций Т. Куна. Показано, что концепция парадигмы Куна имеет аналог в понятии языковой игры Витгенштейна. Релятивизм Куна в отношении объективности научных теорий сопоставлен со скептической интерпретацией С. Крипке «Философских исследований» Витгенштейна. В качестве концептуального фокуса обсуждения представлен острый конфликт Т. Куна и Э. Морриса, нашедший отражение в книге последнего «Пепельница». Сделано заключение, что опора Куна на Витгенштейна в вопросах о природе рациональной науки было ошибочным шагом ввиду полной незаинтересованности последнего в науке.

Ключевые слова: релятивизм; скептицизм; Кун; Витгенштейн; рациональность; парадигма; форма жизни

O.I. Tselishcheva

RATIONALITY AND WITTGENSTEIN'S RELATIVISM OF THOMAS KUHN

The article considers how the philosophy of late Wittgenstein influenced the concept of the structure of scientific revolutions developed by T. Kuhn. It is shown that Kuhn's concept of paradigm has an analogue in Wittgenstein's concept of language game. Kuhn's relativism in respect to the objectivity of scientific theories is compared with S. Kripke's skeptical interpretation of "Philosophical Investigations" by Wittgenstein. A violent conflict between T. Kuhn and E. Morris reflected in Morris's book "The Ashtray" is presented as a conceptual focus of the discussion. The conclusion is made that Kuhn's reliance on Wittgenstein in issues concerning the nature of rational science was a mistake in view of the latter's complete disinterest in science.

Keywords: relativism; skepticism; Kuhn; Wittgenstein; rationality; paradigm; form of life

Релятивизм Томаса Куна является предметом множества статей и ряда монографий. Понятия парадигмы и «нормальной» науки подвергаются многочисленным интерпретациям, диапазон которых чрезвычайно широк – от полного одобрения до полного неприятия с огромным числом промежуточных оценок. В этой индустрии появление книги Э. Морриса “Пепельница” [9] выбивается из ряда собственно научной литературы, представляя собой набор интересных соображений против концепции Куна. В ней автор суммирует аргументы против релятивизма Куна, обращаясь в формате интервью к мнению известных философов, в частности, Х. Патнэма, С. Кэвелла, Н. Хомского, среди прочих. Прекрасно иллюстрированная книга, можно сказать, являет собой новый жанр – что-то среднее между серьезной философией и научно-популярной литературой. Кроме того, она пропитана обидой и ненавистью к Куну, который был руководителем аспирантуры у автора книги Морриса, и добился исключения того из Принстона. Раньше между этими двумя людьми случился эпизод, который и дал название книге. Обвиненный студентом в релятивизме научный руководитель в ярости запустил в него тяжелой стеклянной пепельницей, но, к счастью, промахнулся. С учетом этого события книга может считаться некоторого рода философской мстью Куну.

Помимо общих аргументов против релятивизма, часто обсуждаемых в литературе, Моррис нашел удивительную нишу, о существовании которой никто, похоже, и не подозревал. В качестве антагониста релятивисту Куну в книге предстал философ и логик С. Крипке. Соединение таких имен производит странное впечатление, и значительная часть книги посвящена объяснению этого обстоятельства. Если очень коротко, то Моррис полагает, что релятивизм опровергается теорией Крипке о необходимых априорных утверждениях, присущих как научному, так и обыденному дискурсу. Далее, вопрос становится еще более запутанным, потому что собственно релятивизм ассоциируется Моррисом, и вполне основательно, со скептическим аргументом о возможности знания. И тут оказывается, что Крипке в этом нарративе играет двойную роль: не только как автор интересной интерпретации семантики возможных миров (откуда и произрастает понятие необходимых априорных утверждений), но и как автор также очень интересной интерпретации концепций позднего Витгенштейна. Моррис использует то обстоятельство, что “Философские исследования” Витгенштейна дают повод обвинять его в скептицизме. И больше того, хотя интерпретация Крипке признана большинством его коллег-философов ошибоч-

ной, сам Моррис полагает, что Крипке намеренно выставляет Витгенштейна скептиком. И наконец, последний аккорд в стратегии Морриса: он обнаруживает, что на формирование концепции нормальной науки и парадигмы Куна напрямую существенно повлияла философия позднего Витгенштейна.

Такая запутанная аргументация не исчерпывает содержания всей книги, поскольку ее автор очень оригинальным образом описывает исторические примеры несоизмеримости теорий в научном мышлении, но совсем с другой точки зрения, нежели Кун. Среди множества тем, связанных с анализом рациональности, представляет интерес, в какой степени философия позднего Витгенштейна повлияла на концепцию научного изменения Куна. Ввиду крайне запутанной, как уже было сказано выше, и очень необычной стратегии Морриса, предполагается частое обращение к самой книге. В некотором смысле, эта статья может рассматриваться как расширенный комментарий к книге.

Книга привлекла внимание публики, не ограниченной профессиональной принадлежностью к собственно философии. И сам автор, получив философское образование, сделал успешную карьеру в области кинодокументалистики (и даже заслужил «Оскара»). Так что изложение философских тем в этой книге носит более свободный характер, чем это принято в профессиональной философии. Но литературный талант автора, а также использование интервью с рядом известных философов, делают книгу источником весьма интересных обобщений.

Впрочем, «удивительные сопоставления» при более тщательном рассмотрении не видятся полностью неожиданными. Например, концепция следования правилу Витгенштейна, которая является предметом интенсивных дискуссий, очень близка к концепции нормальной науки Куна, согласно которой поведение исследователей реализуется в рамках определенной парадигмы. И эта связь отнюдь не случайна, и можно догадываться, что идеи Куна сформировались под определенным влиянием Витгенштейна. На этот счет есть свидетельства людей, которые хорошо знали Куна. Согласно одному из них, известному философу Кэвеллу [5], с которым Кун был вместе в Беркли, тот очень интересовался работами Витгенштейна и больше того, недоумевал по поводу невнимания к этому мыслителю со стороны своих коллег. Естественно, что интересы Куна лежали совсем в другой плоскости, чем идеи Витгенштейна, но метод последнего был крайне интересен для Куна. В частности, Куну импонировала идея социального конструирования знания.

Согласно позднему Витгенштейну, философии не следует искать объяснения, ее задача состоит в описании. В этом витгенштейновском духе следует найти такое описание ситуации, когда релятивизм Витгенштейна проявляется с неожиданной, но весьма характерной стороны. Предполагаемая ситуация включает подход крайнего в своем релятивизме, даже «методологическом анархизме» П. Фейерабенда. Автор методологического анархизма Поль Фейерабенд в своих «Диалогах» [6] убеждает читателя в том, что астрономия не имеет никаких преимуществ перед астрологией или по крайней мере, нет никаких рациональных оснований для того, чтобы решать такие проблемы. Это вполне вписывалось в его знаменитый методологический лозунг «все пойдет» (*anything goes*). В этом же духе Фейерабенд ставит на одну доску восточную и западную медицину, современную науку и примитивные верования. Но для придания психологической правдоподобности он рассказывает собственную историю излечения от болезни восточными хилерами, когда западная медицина опустила руки. Несоизмеримость сопоставляемых практик либо культур, или же несоизмеримость парадигм является краеугольным камнем релятивизма в любой его форме. Правда, защита релятивизма в такой форме страдает упрощением, но есть и другие, гораздо более тонкие средства, о чем свидетельствуют, например, споры о релятивизме Т. Куна в связи с его парадигмами. А в случае Витгенштейна дело становится совсем тонким, поскольку афористичный стиль его работ дает возможность по-разному интерпретировать его философию. Но и в этом случае мы наталкиваемся на вещи, которые полностью параллельны аргументам Фейерабенда.

Вот свидетельство одной из наиболее истовых сторонниц Витгенштейна, Э. Энском: «Однажды я спросила Витгенштейна, захочет ли он остановить своего друга, если тот захочет посетить знахаря, который занимается колдовством. Он немного подумал и сказал: «Да, но я не знаю почему». Я полагаю, что это возражение носит религиозный характер. Ученый не может осуждать суеверные практики на основании своей науки. Он может сделать это на основе «сайентистской философии». Но ему нет нужды придерживаться такой философии, чтобы заниматься наукой ... Из работы Витгенштейна «О достоверности» мы могли извлечь явный тезис: не может быть таких вещей, как 'рациональные основания' для нашей критики практики и убеждений, которые так отличаются от наших собственных. Эти чуждые практики и языковые игры просто существуют. Они не наши, мы не можем двигаться в них.»[4, p. 125].

Этот пассаж, с методологической точки зрения, полностью подобен тому, что говорит Фейерабенд. Отсутствие рациональных оснований для выбора между наукой и суеверием является следствием откровенного релятивизма. Да и без косвенных выводов релятивизм Витгенштейна в этом смысле как будто очевиден. Действительно, «...допустим, мы встретили людей, которые не считают истинность физики убедительным основанием. И все же как мы себе это представляем? Ну, скажем, вместо физика они вопрошают оракула. (И потому мы считаем их примитивными.) Ошибочно ли то, что они советуются с оракулом, следуют ему? Называя это “неправильным”, не выходим ли мы уже за пределы нашей языковой игры, атакуя их?» [1, с. 397].

Конечно же, чисто философские соображения слишком абстрактны для применения их на практике. И Фейерабенд, и Витгенштейн под конец жизни были окружены профессионалами западной медицины. К тому же положения обоих мыслителей постоянно подвергаются самым различным интерпретациям, которые не позволяют лобовую атаку на релятивизм. Критика релятивизма принимает более тонкий характер, связывая, например, бесспорный (как в случае Фейерабенда) релятивизм Куна с поздней философией Витгенштейна.

В настоящее время одним из наиболее дискутируемых является вопрос о том, предложил ли на самом деле Витгенштейн непреодолимый вариант скептического аргумента о возможности знания вообще. Убедительность или сомнительность такой интерпретации Витгенштейна напрямую связаны с судьбой релятивизма самого Куна. Действительно, относительно легко обнаруживаются аналогии между категориальным аппаратом нормальной науки в смысле Куна, а именно понятиями парадигмы, воспитания в рамках парадигмы, и образования в нормальном научном сообществе, и базисными витгенштейновскими концепциями, такими как языковые игры, семейное сходство, формы жизни.

Языковая игра предполагает прежде всего согласие «игроков» по поводу массы вещей, в первую очередь по поводу правил. Аналогия нормальной науки Куна с языковой игрой ведет к заключению, что поскольку целью «игры» в науку является достижение объективной истины, это последнее понятие оказывается также результатом соглашения членов научного сообщества. Витгенштейн говорит более прямо, что согласие подобного рода есть согласие относительно «формы жизни». Но в данном контексте «форма жизни» есть полный аналог нормальной науки. Если при традиционном понимании науки требует-

ся согласие по поводу истинности или ложности утверждений науки, то по Витгенштейну речь идет о согласии по поводу «формы жизни». Часто загадочные высказывания Витгенштейна, касающиеся этого понятия, лишь подсказывают, что это что-то вроде куновских парадигм, которые являются предметом согласия участников нормальной науки. И в самом деле, «формы жизни» определяются культурой, контекстом, историей и другими обстоятельствами, которые не позволяют считать, что эти формы жизни имеют отношение к объективной реальности.

Замена концепции объективной реальности концепцией социального конструирования ставит вопрос о том, в какой степени парадигмы определяют видение мира, и если такое видение является доминирующим во многих аспектах, тогда разные парадигмы имеют дело с разными мирами. Смена парадигм влечет, в некотором смысле, смену мира, что является абсурдным. Тем не менее, Кун сделал такой вывод: «Рассматривая результаты прошлых исследований с позиций современной историографии, историк науки может поддаться искушению и сказать, что когда парадигмы меняются, вместе с ними меняется сам мир ... Изменение в парадигме вынуждает ученых видеть мир их исследовательских проблем в ином свете. Поскольку они видят мир не иначе, как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что после революции ученые имеют дело с иным миром.» [3, с. 151]

Скачок от изменения идей к изменению мира, который совершает Кун, большинству исследователей кажется худшим из того, что содержит “Структура научных революций”. Приведенный пассаж *содержится* в главе X, что дало повод одному из рецензентов произнести мрачный каламбур, что эта глава является X-rated (то есть, отнесена к разряду «неприличных»). «Это худший материал в великой книге Куна. Было бы лучше, если бы он оставил эту главу в такси» [8, р. 96].

Дэвид Дойч усматривает роковую ошибку Куна в том, что «его (Куна) теория объясняет переход от одной парадигмы к другой в терминах социологии или психологии, вместо того, чтобы говорить главным образом об объективных достоинствах соперничающих объяснений.» [2, С. 539]

Уход от эпистемологических проблем в социологию или психологию вызывает протест у Х. Патнэма, который упрекает Куна в идеализме. Сила этого упрека в том, что он исходит из уст знаменитого философа, который сделал очень много для защиты скептической позиции в отношении знания. Его известная концепция «внутреннего реал-

лизм» по сути своей является критикой реализма как такового, но с использованием тонкой аргументации связанной с логикой и математикой [10]. Но даже для Патнэма Кун зашел слишком далеко. Интервью Патнэма, опубликованное в книге Морриса, является очень интересным свидетельством эпистемологических отклонений Куна. Речь идет о несоизмеримости парадигм, которая и лишает роли главного фактора при выборе теорий рациональность научного мышления.

Патнэм в интервью Моррису говорит о том, что не так с аргументом Куна о несоизмеримости: «У любого реалиста есть ход, который Кун не допускает, потому что он не допускает, что существует реальный мир. На самом деле Кун прямо *отрицает* существование реального мира. Миры у него изменяются. Он определенного рода идеалист. Когда у вас есть понятие *реального мира*, вопрос не в том, чтобы сказать, что имел в виду Ньютон. Нет необходимости искать выражение на языке нашей физики, которое имело бы тот же смысл, что и выражение Ньютона. Может быть, это невозможно. Но мы можем дать представление о смысле слова в языке, отличном от нашего, приведя примеры его употребления.» [10, p. 62]

Последняя фраза звучит весьма в витгенштейновском духе: «не спрашивай о значении, смотри на употребление.» Быть может, Кун мог бы и принять подобного рода рекомендацию в отношении концепции несоизмеримости, но его роднит с Витгенштейном гораздо больше. Д. Дойч говорит, что «В идеях Куна привлекает еще одно: он ставит ученых на место. Они больше не могут объявлять себя благородными искателями истины, использующими рациональные методы предположения, критики и экспериментальной проверки для решения задач и создания все более удачных объяснений мира. Кун открывает, что ученые – всего лишь конкурирующие группы, которые играют в бесконечные игры за право контроля территории.» [2, с. 538]

Употребленное в этом пассаже слово «игра» не случайно и как нельзя лучше подходит для напоминания о влиянии Витгенштейна на Куна: ученые играют в определенные языковые игры, которые в реальной жизни действительно становятся «формой жизни». Но если это влияние вылилось в откровенный релятивизм, то встает естественный вопрос, можем ли мы назвать Витгенштейна релятивистом хоть в каком-то смысле.

От такого прямолинейного зачисления Витгенштейна в релятивисты предостерегают несколько обстоятельств. Первое из них – неясность самого Витгенштейна. В этом отношении характерно высказыва-

ние С. Крипке, одного из самых «громких» интерпретаторов Витгенштейна. Он, как и многие другие исследователи, полагает, что «“Философские исследования” не являются систематической философской работой, где выводы, однажды в определенной степени установленные, не нуждаются в новой аргументации. Скорее, они написаны как некая непрерывная диалектика, где беспокойство, выраженное голосом воображаемого собеседника, сохраняется и никогда окончательно не утихает.» [9, p. 93]

Более того, сам Крипке как интерпретатор Витгенштейна, высказывается о его релятивизме очень уклончиво. Моррис в кратком интервью с Крипке, спросив, согласен ли Крипке с тем, что Витгенштейн был релятивистом, и, что стало быть, это делает вопрос об объективности бессмысленным, говорит следующее: «Я думаю, что вполне правомерно рассматривать это таким образом, но я бы сказал – с осторожностью. Написана целая книга, защищающая точку зрения, которую я характеризую не только как последовательную, но и как истину. Не знаю, полностью ли я с согласен с ее автором М. Кушем, но мне кажется, что многое из того, что говорится в книге, верно. (Придерживаясь своей позиции), я... рассуждаю как юрист. Но я выражаю тут кое-какое сомнение...» [9, p. 106]

Конечно, такая уклончивость продиктована еще и тем, что интерпретация Витгенштейна, предложенная Крипке, подверглась резкой критике, и большинство философов считают, что эта интерпретация ошибочна. Но позиция «адвоката» вряд ли уместна при обсуждении таких глобальных проблем как объективность и истина. И поэтому Э. Моррис в разговоре с Крипке проявляет настойчивость:

Эррол Моррис: вы высмеиваете Витгенштейна? Принимая его серьезно, может быть, даже серьезнее, чем он сам?

Сол Крипке: Да, я выразил некоторые сомнения относительно того, может ли все это действительно сработать. И беспокоился, имеет ли этот взгляд смысл. Или, если это в высшей степени культурно-релятивистский...

Моррис: Тот, что ведет к релятивизму?

Крипке: Витгенштейна это, конечно, беспокоило. У него был разговор с одной из его ведущих учениц, по ее словам, Элизабет Энском. На самом деле в его работе *О достоверности* есть пассаж об этом: люди, вместо того, чтобы консультироваться с врачами, консультируются с колдуном [9, p. 106].

Таким образом, объявление Витгенштейна релятивистом, даже если оно и оправданно в каком-то смысле, не реабилитирует релятивизм Куна, поскольку перед этими философами стояли разные задачи, а их концептуальные аппараты различались радикальным образом. В этом смысле прямолинейная атака Морриса на релятивизм Куна через объявление релятивистом Витгенштейна, не очень оправдана. Дело в том, что в основе стратегии Морриса лежит интерпретация Витгенштейна, исходящая от Крипке. Моррис пытается буквально выдать из Крипке признание, что Витгенштейн является скептиком в отношении знания, и на основании схожести понятий парадигмы и языковых игр, объявить скептиком и Куна. Но это очень запутанная стратегия, поскольку скептицизм Куна и его отказ от рационализма демонстрируются гораздо более простыми средствами.

Дело осложняется еще и тем, что Моррис апеллирует в своей аргументации к Крипке в двух его разных ипостасях. Во-первых, как теоретика концепции твердых десигнаторов, где появляется понятие необходимых априорных утверждений. Моррис считает эту теорию прямой антитезой релятивизму Куна. Во-вторых, как к интерпретатору позднего Витгенштейна, теория индивидуального языка которого полагается сильнейшей версией скептического аргумента, до сих пор представленного в истории философии. При чтении книги Морриса эти два Крипке сливаются в один образ, который очень близок к образу союзника Морриса в борьбе с Куном. Но даже незаинтересованному читателю ясно, что между Куном и Крипке едва ли есть существенная связь.

Релятивизм Куна в качестве следствия имеет скептические выводы относительно рациональности науки как таковой. Наука оказывается не исследованием объективной реальности, а результатом социального конструирования. Поэтому симптоматично, что история физики, использованная Куном в качестве материала в “Структуре научных революций”, подверглась критике со стороны профессионального научного сообщества. Во-первых, его история физики, начиная со времен Галилея, доведена до 1920-х годов, что выглядит странным в свете последовавшего бурного развития физики. Во-вторых, Кун в своем представлении науки ограничивается лишь физикой, а скажем, биология вообще не фигурирует в качестве материала в куновской концепции парадигм. Еще более интересным оказалось то, что Кун стал героем не в профессиональном физическом сообществе, а среди представителей гуманитарных наук – философов, историков,

социологов и культурных критиков, подвергших постмодернистской критике объективный характер научного знания. Если научные теории являются результатом социального конструирования, тогда следующим шагом будет объявление их языковыми играми. В этом смысле наука есть одна из многих игр, наряду со спортом, искусством, ремеслом. Больше того, сам переход от парадигмы к парадигме в процессе научной революции имеет характер религиозной конверсии, или же психологического гештальт-сдвига. Ясно, что рациональное научное мышление при этом отодвигается в сторону. И всякий, знакомый с философией Витгенштейна, обнаружит, что склонность придавать объяснительную силу гештальт-сдвигам для Витгенштейна и для Куна является общей.

Заимствование Куном взглядов Витгенштейна для объяснения структуры научных революций представляется, в общем, странным предприятием. Известно, что Витгенштейн не проявлял никакого интереса к науке как таковой и никоим образом не выделял научное мышление в качестве рационального. Больше того, Витгенштейн не проявлял интереса к рациональному мышлению, потому что его интересовали границы языка, за которыми стояла бессмыслица. Он полагал, что исследование бессмыслицы в важных случаях больше говорит нам о том, каким образом функционирует язык. Эта тенденция трактовки языка, начавшаяся с “Трактата”, перешла и в “Философские Исследования”. Дж. Флойд свидетельствует: «Всеохватывающий философский дух Витгенштейна был антирационалистическим, что являло резкий контраст с духом философов XX века, с духом Гёделя. Для Витгенштейна, как ранее для Канта, философия и логика – это поиски самопонимания и самопознания, деятельность по самокритике, самоопределению и примирению с несовершенствами жизни, а не специальные отрасли знания, направленные непосредственно на открытие безличной истины» [7, p.77].

И хотя Витгенштейн размышлял о природе логики и математики, он был далек от размышлений об огромной роли, которую они сыграли в науке XX в. Так что писать об истории науки, проникшись ощущением Витгенштейна, как это делал Кун, – значит вступать в явное противоречие с рационализмом и исповедовать скептицизм в отношении человеческого познания.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I – С. 323–405. – М.: Гнозис, 1994.
2. *Дойч Д.* Структура реальности. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977.
4. *Anscombe G.E.M.* The Question of linguistic idealism // The Collected Philosophical Papers of G. E. M. Anscombe. Vol. 1: From Parmenides to Wittgenstein. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. – P. 112–133.
5. *Cavell S.* Little Did I Know: Excerpts from Memory. – Stanford: Stanford University Press, 2010.
6. *Feyerabend P.* Three Dialogues on Knowledge. – N.Y.: John Wiley & Sons, 1991.
7. *Floyd J.* Wittgenstein on Philosophy of Logic and Mathematics // The Oxford Handbook of Philosophy of Mathematics and Logic / ed. Stewart Shapiro. Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 75–129.
8. *Godfrey-Smith P.* Theory and reality: An Introduction to the Philosophy of Science. – Chicago: University of Chicago Press, 2003.
9. *Morris E.* The Ashtray (Or the Man Who Denied Reality). – Chicago: The University of Chicago Press, 2018.
10. *Putnam H.* Models and reality // The Journal of Symbolic Logic. – 1980. – Vol. 45, No. 3, P. 464–482.

References

1. *Wittgenstein, L.* (1994). O dostovernosti [On certainty]. In: Wittgenstein, L. Filosofskie raboty [Philosophical Works], Chast I, P. 323–405. – М.: Gnosis, 1994. Moscow, Gnosis Publ. (In Russ.).
2. *Deutsch, D.* (2018). Struktura realnosti [The Fabric of Reality]. Moscow, Alpina Non Fikshn Publ. (In Russ.).
3. *Kuhn, T.* (1977). Struktura nauchnykh revolyutsiy [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.).
4. *Anscombe, G.E.M.* (1981). The question of linguistic idealism. In: The Collected Philosophical Papers of G.E.M. Anscombe. Vol. 1: From Parmenides to Wittgenstein. Minneapolis, University of Minnesota Press, 112–133.
5. *Cavell, S.* (2010). Little Did I Know: Excerpts from Memory. Stanford, Stanford University Press.
6. *Feyerabend, P.* (1991). Three Dialogues on Knowledge. New York, John Wiley & Sons.
7. *Floyd, J.* (2005). Wittgenstein on philosophy of logic and mathematics. In: Shapiro, S. (Ed.). The Oxford Handbook of Philosophy of Mathematics and Logic. Oxford, Oxford University Press, 75–129.
8. *Godfrey-Smith, P.* (2003). Theory and Reality: An Introduction to the Philosophy of Science. Chicago, University of Chicago Press.

9. *Morris, E.* (2018). *The Ashtray (Or the Man Who Denied Reality)*. Chicago, The University of Chicago Press.

10. *Putnam, H.* (1980). Models and reality. *The Journal of Symbolic Logic*, Vol. 45, No. 3, 464–482.

Информация об авторе

Целищева Оксана Ивановна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: oxanatse@gmail.com).

Information about author

Tselishcheva Oksana Ivanovna – Candidate of Sciences (Pfilosophy), the junior scientific worker of the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Akademy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia, e-mail: oxanatse@gmail.com).

Дата поступления 13.01.2020